

Ростопчинъ получилъ письмо Кутузова, привезенное его адъютантомъ Монтрезоромъ, въ которомъ онъ просилъ прислать „полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы проводить армию чрезъ улицы на Рязанскую дорогу“, и, исполнивъ повелѣніе фельдмаршала, приказалъ всѣмъ воинскимъ и пожарнымъ командамъ выступить изъ Москвы. Тогда же удалились Сенатъ и преосвященный Августинъ, взявъ изъ Успенскаго собора образъ Владимірской Богоматери, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ воротъ Иверскую икону.

Кутузовъ проѣхалъ Москву верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ до Яузскаго моста, гдѣ встрѣтилъ Ростопчина съ нагайкою въ рукѣ, очищавшаго мостъ для прохода армии. Ростопчинъ пробовалъ говорить съ Кутузовымъ, но тотъ молчалъ.

„Въ домѣ *негодяя* Ростопчина, писалъ Наполеонъ, захватили ружья, бумаги и начатое письмо — онъ убѣжалъ, не успѣвъ его кончить... Ничего не успѣли вывезти и когда увидѣли, что все попало въ руки французамъ — сожгли свой святой городъ. Мы боролись противъ огня, но негодяй-губернаторъ вывезъ пожарные инструменты“.

До зари 2-го сентября обозы и артиллерія вступили въ Дорогомиловскую заставу; на разсвѣтъ послѣдовали за ними пѣхота и конница. Войска шли въ глубокомъ молчаніи. Миновавъ Коломенскую заставу, французы остановились для привала по обѣимъ сторонамъ дороги.

Печальное утро этого дня застало арьергардъ Милорадовича у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10-ти верстахъ отъ Москвы. Когда французы двинулись впередъ, Милорадовичъ началъ отсту-

Маршалъ Мортъе.
Съ оригинала музея П. И. Щукина.

его свиты. Въ 10 ч. утра Наполеонъ прибылъ къ своему авангарду, долго онъ разговаривалъ съ Мюратомъ, отобѣдалъ и поѣхалъ на Поклонную гору. Увидя Москву, Наполеонъ воскликнулъ: „Là voilà donc cette fameuse ville!“ И, промолчавъ нѣсколько минутъ, присовокупилъ: „Il était temps!“ Вокругъ него гремѣли радостные возгласы: „Москва! Москва!“ „Мы были поражены чуднымъ видомъ Москвы,—говоритъ Лабомъ.—Всѣ бросились на высоту и наперерывъ одинъ предъ другимъ открывали и указывали другъ другу новыя красоты. Дома, выкрашенные разными красками, купола, крытые желѣзомъ, серебромъ и золотомъ, представляли разнообразный видъ, балконы и террасы дворцовъ, памятники и особенно колокольни давали намъ въ общемъ картину одного изъ тѣхъ знаменитыхъ городовъ Азіи, которые до тѣхъ поръ мы считали существовавшими только въ воображеніи арабскихъ поэтовъ“. Долго, но тщетно ждалъ Наполеонъ депутатовъ изъ разстилавшейся у ногъ его необозримой столицы...

Приведемъ интересный по простотѣ своей рассказъ русскаго чиновника Корбелецкаго, захваченнаго еще не доходя до Москвы и представленнаго Наполеону: „Дюкъ д'Истри, статсъ-секретарь Наполеона Делоранъ, и адъютантъ его, изъ поляковъ, подполковникъ Вельсовичъ 1-го сентября утромъ разспрашивали меня со многими подробностями не токмо о расположеніи и количествѣ всѣхъ нашихъ армій, о движеніи и успѣхахъ каждой, но даже и о намѣреніи правительства нашего въ разсужденіи мира. Всѣ вышеупомянутые чиновники, по собственному ихъ объявленію, якобы изъ

пать медленно и въ полдень пришелъ къ Поклонной горѣ. Онъ предложилъ Мюрату не слишкомъ напирать и дать время русскимъ войскамъ спокойно отойти, угрожая въ противномъ случаѣ зажечь за собою столицу, и король Неаполитанскій, съ дозволенія Наполеона, согласился. Передовыя французскія войска смѣшались съ казаками, шедшими послѣдними, и Мюратъ имѣлъ случай блеснуть между „варварами“ роскошью своего наряда. Онъ выпросилъ бурку себѣ у одного офицера-казака и отплатилъ за нее дорогими золотыми часами, взятыми у одного изъ офицеровъ